

Михаил Каюрин

Допрос врага народа

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Каюрин
Допрос врага народа

«Автор»

2020

Каюрин М. А.

Допрос врага народа / М. А. Каюрин — «Автор», 2020

Трагическая история 1937 года. Обвиняемый - простой советский работяга, углежог из уральской глубинки, арестованный по ложному доносу. Он участник 1-ой мировой войны, получивший за проявленный героизм Георгиевский Крест из рук самого генерала Брусилова. Допрос ведёт ярый офицер НКВД, которому повсюду видятся враги народа...

© Каюрин М. А., 2020

© Автор, 2020

Михаил Каюрин

Допрос врага народа

Арсений Савельевич Гололобов встал из-за стола и нервно заходил по кабинету. Он был мрачнее тучи. Голова после бессонной ночи, казалось, потяжелела вдвойне и едва держалась на плечах. Шея, как усохший ствол дерева, перестала поставлять кровь в мозг, и от этого сознание туманилось, перед глазами плыли тёмные круги и прыгали мушки. Было ощущение, что отяжелевшая голова вот-вот отвалится и упадёт на пол, как перезревший плод с дерева.

Будто опасаясь такого исхода, Гололобов ухватил её обеими руками и сильно сжал. Подержал несколько секунд, затем принялся усиленно растирать виски, массировать шею. Обойдя вокруг стола, подошёл к окну, распахнул форточку и стал смотреть через заплаканное стекло.

Было раннее утро 15 октября 1937 года. Накануне вечером пошёл первый снег. Он падал всю ночь, мокрый, тяжёлый, успев к утру забелить грязную землю и развесить повсюду белые шапки.

«Завтра же растает и понаделает слякоти вокруг, – подумалось ему невесело. – Народ тут же натащит в контору грязищи с обувью, в коридорах сделается, как в свинарнике. Придётся мыть полы ежедневно, а то и два раза на день. Не дай бог нагрянет областное начальство. Оно, как известно, любит чистоту и порядок. Придётся в очередной раз уговаривать сварливую уборщицу, чтобы та поработала за пределами рабочего дня».

... Начальником районного отдела НКВД в городе Уральске Гололобов стал ровно год назад. В тот день была оттепель, погода стояла такой же ненастной и скверной, как сейчас. Шёл мокрый снег, его новенькие хромовые сапоги утопали в жидкой снежной каше. В отличие от сегодняшнего состояния, год назад его настроение было если не радостным, то во всяком случае весьма приподнятым.

После пяти лет службы на Соловецких островах Гололобов был переведён сюда, в этот небольшой промышленный уральский городок. Для него это было большой удачей, поскольку удалось избежать ареста, и, возможно даже, расстрела.

1 октября 1936 года глава НКВД Генрих Ягода оставил свой пост, на его место был назначен карьерист и дилетант Николай Ежов – «железный нарком».

Гололобову было известно о существующих трениях между этими личностями. Его внутреннее чутьё подсказывало, что в самое ближайшее время в органах грянут большие перемены и «зачистки».

Поразмыслив, он пришёл к выводу, что смена высшего руководства, возможно, и не отразится на сотрудниках среднего звена, но только не на «Соловках». Здесь существовала другая жизнь, другие условия содержания узников.

«Соловки» называли театром абсурда. Там выпускался журнал «Соловецкие острова», существовала «Книга отзывов», лагерь считался образцово-показательным в системе исправительных учреждений. Одновременно с этим он являлся лагерем смерти с применением изощрённых методов пыток и казни.

Новый руководитель ведомства, без всякого сомнения, не упустит момента выслужиться перед вождём нации. Паны начнут драться, а чубы затрещат у холопов.

Гололобов начал лихорадочно искать пути бегства из лагеря смерти, и ему несказанно повезло.

Внезапно скончался его отец, Гололобову удалось вырваться на похороны. В дороге судьба свела его с начальником отдела кадров областного УНКВД. Тот возвращался из управления СевДвинЛага, куда ездил по каким-то делам. Арсений Савельевич безошибочно смекнул, что перед ним именно тот человек, который сможет развязать крепкий узел.

Всю дорогу Гололобов умащивал попутчика, заискивал перед ним, как обычная шестёрка перед паханом в лагере, беспрестанно сетовал на свою судьбу и семейные обстоятельства.

Всё получилось, как нельзя лучше. На похороны отца он, правда, не успел и приехал только на второй день после погребения. Но этот факт его ничуть не удручил. Главное, он избежал трагических для себя последствий.

Его попутчик оказался действительно очень влиятельным человеком и сдержал своё слово. Конечно, если бы не кадровые перестановки наверху, Гололобов ни за что не покинул бы место службы на «Соловках». Там он был царь и бог, перед ним трепетали все.

За малейшую провинность узника ожидала казнь или пытка. Карательные «процедуры» можно было проводить, не обременяя себя судебными формальностями, не задумываясь ни на секунду об ответственности. Когда на остров прибывали новые узники-интеллектуалы и по своей наивности спрашивали о правах заключённого, Гололобов, упиваясь своей безграничной властью над бывшими офицерами, дворянами, священниками, и другими интеллигентами-разночинцами, цинично произносил:

– Усвойте раз и навсегда: здесь республика не советская, а соловецкая! Да будет вам известно, что нога прокурора ещё ни разу не ступала на эту землю! И заверяю вас: не ступит никогда! Зарубите себе на носу мои слова! Все вы направлены сюда не для исправления! Горбатого исправить может только могила! И даже похороны для вас здесь не предусматривают гроба!

Всё это он говорил, выстроив узников перед лагерным управлением, обратив их взоры на клумбу, выложенную в символе Соловков – белого слона на красном фоне.

Звериное чутьё Гололобова не подвело. В начале 1937 года в СЛОН (Соловецких лагерях особого назначения) действительно начались чистки. Практически все его сослуживцы по лагерю были арестованы и затем расстреляны.

На Соловецкие острова Гололобов попал за свои прегрешения на Украине. Когда началась коллективизация, он проявил недюжинное рвение, «фильтруя» сельское население вверенного ему района. В каждом крестьянине ему виделся кулак и вредитель.

Из-за нехватки хлеба в стране в 1928 году правительство молодого государства вновь прибегло к насильственному методу его изъятия. Началась новая продрозвёрстка – с обысками, угрозами, расправами. Просьбы и уговоры не помогали, мужики отказывались отдавать свой хлеб. И тогда началась «сплошная коллективизация».

Процесс затянулся до половины 1931 года. Крестьян пугало слово «колхоз», им по-настоящему страшно было отдавать кровный кусок земли и скотину в коллективную собственность. Часть из них, боясь преследования, и, имея из живности одну корову или свинью, с неохотой, но, всё-таки, подчинилась власти, вступила в колхоз. Остальные, более зажиточные, выбрали наблюдательную позицию, своевременно оплатив продовольственный налог. Такой подход впоследствии только укрепил их веру в правильность принятого ими решения.

Зимой эти люди стали очевидцами того, как голодал скот в общем стаде, как разворовывались колхозные амбары. Потом, уже осенью 1929 года, после уборки зерновых, несогласные ахнули от неожиданности, увидев, какая часть урожая осталось в распоряжении каждого колхозника. После такой картины крестьяне, не вступившие в колхоз, начали массовый забой скота, опасаясь, что он будет изъят насильственным путём.

Власти негодовали. При городском управлении НКВД был создан штаб по оперативному контролю за ходом коллективизации в селах. На заседание штаба вызывались руководители ГПУ районов вместе с председателями сельсоветов. Там их знакомили со свежими решениями правительства, там же они получали специальные инструкции и распоряжения.

Гололобов, будучи исключительно предан делу партии, являясь безупречным исполнителем любого распоряжения руководства, на видном месте своего кабинета вывесил слова Сталина, заключённые в рамочку.

«Кулаки разбиты, но они ещё далеко не добиты. Более того, они нескоро ещё будут добиты, если коммунисты будут зевать и благодушествовать, полагая, что кулаки сами сойдут в могилу».

Эти слова он воспринял, как руководство к действию, и приступил к репрессивным методам. С группой работников ГПУ и председателем сельсовета он лично ходил по домам крестьян, которые резали скот.

Гололобов не щадил ни детей, ни стариков, отбирая у них всё, что было. Для острастки он стрелял в потолок или даже поверх голов трясущихся от страха людей, а их самих потом силой выталкивал на улицу и запирали дом. «Воспитание» запугиванием возымело действие.

К началу 1930 года ему удалось загнать в колхоз около восьмидесяти процентов крестьян. Гололобов справился бы и на все сто процентов, если бы его бесчинства не остановило руководство ОГПУ после выхода очередной статьи Сталина «Головокружение от успехов».

Вождь страны советов осуждал принудительную запись в колхоз, называя её политикой унтера Пришибеева.

Гололобов, получив нагоняй от начальства, несколько раз перечитал эту статью, долго вертел её в руках, но заключать в рамку, аналогично предыдущей, не стал, положил в ящик стола. Не стал снимать со стены и прежнее высказывание Сталина о кулачестве. Внутреннее чутьё подсказывало ему, что это просто хитрая уловка вождя, временное затишье перед генеральным наступлением на кулаков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.